

ВЕЛИЧИЕ И ТРАГИЗМ СОВЕТСКОГО “ЭКСПЕРИМЕНТА”

Ю.А. Красин

КРАСИН Юрий Андреевич, доктор философских наук, профессор, почетный доктор Института социологии РАН. Для связи с автором: krasinyua@yandex.ru

Красин Ю.А. Величие и трагизм советского “эксперимента”. – Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 10-23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

Статья поступила в редакцию: 26.06.2016. Принята к печати: 29.07.2016

Аннотация. Столетие “Октября 1917” побуждает к оценке с “дальней дистанции” рожденного русской революцией советского опыта. Советская система возникла на кризисной стадии развития индустриального общества в капиталистическом обличье. В России, где катаклизмы бурно развивающегося капитализма сплелись в “гордиев узел” с полуфеодальной архаикой, высветилась альтернатива, воспринятая большевиками как “социализм” и “диктатура пролетариата”. Стихийно выросшие “снизу” самодеятельные организации – Советы рабочих и крестьянских депутатов – предстали как неординарная форма низовой народной демократии. Результатом их амбивалентного симбиоза с авторитарно управляемой “партией нового типа” стала советская государственность. Антиномичная двойственность советской системы красной нитью проходит через всю историю СССР, определяя дуализм оценки советского опыта. С одной стороны, величие народного подвига – преобразования, в которых мир увидел альтернативу капиталистическому отчуждению и которые вынудили капитализм к социальной модификации. С другой стороны – авторитарные тренды советской власти, создававшие почву тоталитарной канализации революционного энтузиазма, душившей энергетику массового творчества в тисках идеологического мифотворчества и политических репрессий. Притягательность советского опыта в том, что в нем воплотилось единение масс, сплотившихся в “общем деле” созидания общества, свободного от эксплуатации и угнетения. Овладев сознанием масс, великая идея подвигла их на “штурм неба”, несмотря на сталинский деспотизм. Трудно сказать, можно ли было реформировать советскую систему, сохранив ее лучшие традиции. Однако за четверть века после распада СССР советский опыт не покрылся патиной забвения: в трансформирующемся социуме жива тяга к большому “общему делу”. Российская реформация еще далеко не завершилась.

Ключевые слова: демократия; авторитаризм; советы; государственность; антиномичность советской системы; демократизм “общего дела”; российская реформация.

В преддверии столетнего юбилея российской революции 1917 г. атмосфера полемики вокруг знаменательной даты заметно накаляется. В статьях и выступлениях звучат контрастные оценки как самого события, так и рожденного им многолетнего опыта функционирования и развития советской политической системы. На одном полюсе – начало “подлинной истории” освобождения человечества от тяжких оков эксплуатации и отчуждения; на другом – “историческая аномалия”, столкнувшая Россию с магистрального пути цивилизационного развития. Острота разгорающихся споров свидетельствует, что и ста лет явно недостаточно, чтобы беспристрастно подвести баланс антиномичных преобразований вековой давности. Тем более что речь идет о столетии, наполненном великими потрясениями и драматическими пертурбациями, а глубинный смысл и масштабность этих изменений еще не постигнуты человеческим разумом.

Критическая оценка советского опыта должна быть вписана в процесс понятийного оформления происходящей сегодня и набирающей темп фундаментальной трансформации человеческой цивилизации. Истоки же этого процесса восходят к потрясшим мир деяниям российской революции. Как бы то ни было, столетняя дистанция обеспечивает селекцию происшедших тогда событий и фактов, отсеивая малозначимые случайности и выявляя наиболее существенные тренды развития. Это позволяет поставить оценку советского опыта на более прочную основу, очистить ее от конъюнктурных мотивов, увязать с современностью. Открывается возможность социофилософского и политологического осмысления советского опыта, раскрытия его исторической значимости для решения узловых проблем российской реформации и современного мирового развития.

Советская система возникла на кризисной стадии развития индустриального общества в капиталистическом обличье. Резкое обострение социально-классовых и межнациональных антагонизмов, повлекшее за собой череду войн и революций, включая беспрецедентно опустошительную мировую войну, наглядно обнажило пороки и ограниченность капиталистической формы индустриализма. Советы в России стали первым ответом на появившуюся потребность в поиске каких-то иных, прежде всего политических форм, отвечающих реальностям индустриального общества.

Парадоксальная “ирония истории” состояла в том, что зародилась эта форма не в зоне наивысшего развития индустриализма, а в “слабом звене” мировой системы, где противоречия бурно развивающегося капитализма сплетались в “гордиев узел” с застойными противоречиями докапиталистического общества. Корни высветившейся альтернативы “буржуазному индустриализму”, воспринятой тогда большевиками как “социализм” с властной надстройкой – “диктатурой пролетариата”, которая должна была на переходный период “компенсировать” недостаточный уровень социально-экономического развития, уходили в это гетерогенное сплетение тенденций российской политической реальности.

Первичной политической структурой едва зарождавшейся альтернативы стали стихийно выросшие “снизу” ячейки низовой народной демократии, выражение революционной самодеятельности масс. В России это были Советы рабочих и крестьянских депутатов, организации “традиционного типа, характерного для аграрной цивилизации”, впитавшие в себя устойчивые черты российской политической культуры [Кара-Мурза 2001: 86]. Их никто не придумывал: они возникли самопроизвольно в годы революции 1905-1907 гг. из тех стереотипов, в которых отложился многолетний социальный опыт деятельности самобытных крестьянских кооперативов, сельских и волостных сходов, на которых крестьяне самостоятельно, без какого-либо участия представителей власти добивались согласия в вопросах общественной жизни, вырабатывали общие позиции в защиту своих интересов¹.

Разумеется, обстановка войны и революции, в которой “вываривалась” эта форма “почвенной” народной демократии, оказала на нее неизгладимое влияние. Во-первых, инициатором создания Советов выступил быстро формирующийся российский рабочий класс. Еще не порвав с крестьянской средой и оставаясь по мировоззрению и психологии под ее определяющим влиянием, он, тем не менее, инкорпорировал в деятельность Советов свои классовые интересы и требования, превратился в их авангардную силу. Во-

¹ “В крестьянской среде, – писал выдающийся ученый-аграрник А.В. Чаянов, – режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 г. в системе управления кооперативными организациями” [цит. по: Кара-Мурза 2001].

вторых, огромные массы крестьянства были втянуты в пекло кровопролитной войны. Естественно, в этих условиях заметную роль в деятельности Советов играл “человек с ружьем”. Оба эти обстоятельства повысили революционный потенциал органов низовой демократии, способствовали радикализации целей советского движения и способов их достижения.

Советы несли в себе мощный заряд никем не управляемой внесистемной революционной энергии, которая в кризисной ситуации генерировала властные функции, не укладывавшиеся в обычные каноны буржуазной демократии. Уже в годы первой русской революции В.И. Ленин узрел в советах “новые органы революционной власти” [Ленин 1968: 317]. Однако в ходе революции он увидел и слабости Советов, отражавшие противоречия их в основном крестьянской социальной базы: непоследовательность, наивный мировоззренческий утопизм, склонность к анархии и соглашательству в политике².

Видимо, поэтому Ленин вплоть до революции 1917 г. не делал далеко идущих выводов о Советах как альтернативе буржуазной государственности. Только в апреле 1917 г., когда масштабы и глубина революционного кризиса в стране создали возможность “большого социального прорыва”, он выдвинул смелую идею создания на базе Советов “нового типа государственности”, способного реализовать открывшуюся возможность.

Эта идея Апрельских тезисов противоречила ортодоксальным марксистским представлениям о последовательности этапов исторического развития и была встречена в штыки не только меньшевиками, поначалу вызвав недоумение и в рядах большевистской партии. Между тем ленинский политический гений с удивительной точностью уловил созданный глубоким кризисом капиталистической системы шанс для альтернативного развития индустриального общества при посредстве рычагов советской государственности. Об этом Ленин лаконично и емко поведал в одной из своих последних статей. Что если в обстановке безысходности, порожденной невиданным кризисом, народ поднялся на борьбу, которая для него “хоть какие-либо шансы открывала”? Почему он не может сначала установить альтернативный буржуазному парламентаризму строй советской демократии, “а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы?” [Ленин 1970: 380-381].

Заслуживает быть отмеченным, что возможность альтернативного пути политического развития в полуфеодальной России прозорливо подметил и классик немецкой социологии Макс Вебер. По его мнению, в кризисной обстановке архаика быта и сознания российского крестьянства давала импульс “спонтанной культуре свободы” [Вебер 2007: 52]. Под ее воздействием “возможен мощный подъем замешанного на “коммунистических” дрожжах ‘естественно-правового’ духа, что может привести к чему-то совершенно ‘небывалому’, но к чему именно, предвидеть невозможно” [там же: 85].

В апреле 1917 г., в тот самый момент, когда Ленин выдвинул лозунг “Вся власть Советам!”, М. Вебер писал, что удовлетворить интересы крестьянства — “огромного большинства русского народа” — “может только долгая социально-революционная диктатура”³. Наконец, в июне 1918 г. ученый

² Показательно свидетельство П.Н. Милюкова об отношении В.И. Ленина к Петербургскому совету рабочих депутатов. Приехав в Петербург в ноябре 1905 г., Ленин анонимно посетил Вольное экономическое общество, где шло заседание совета. Уходя, он сказал: “здесь говорильня”, “рабочий парламент”, а нужен “орган власти” [Милюков 1991: 230].

³ Автор статьи [Weber 1917] поясняет, что “социально-революционное правление” потребует “такого политического лидера, для которого ‘молодая’ в российских условиях частная земельная собственность не является безусловной ‘святыней’”. И далее: “Есть ли в России такие люди, я не знаю. Но прийти к власти надолго они могут, только если будет заключен мир” [ibidem].

констатирует, что мотивом немецкой буржуазии для заключения Брестского мира была надежда на крах “большевистского эксперимента”. “Мы же были за мир по другой причине, — подчеркивал он, — так как говорили: *если эксперимент удастся*, и мы увидим, что там возможна культура, то они *обратят нас в свою веру* (курсив мой — Ю.К.)” [Вебер 2003].

Несмотря на сомнения в успехе большевиков, выдающийся немецкий мыслитель признавал, что инициированный ими “крупный эксперимент” обозначил реальную альтернативу тому типу государственности, который сформировался на базе капиталистического индустриализма. И если этот эксперимент удастся, то он изменит господствующую в социалистическом движении Запада концепцию власти.

Уникальность социально-политической ситуации, сложившейся в России в начале XX в., Ленин и руководимая им большевистская партия отважились использовать для решения сверхзадачи “непосредственного перехода от самых отсталых к самым передовым формам политической и экономической организации” [Карр 1990: 97]. Стихийно выраставшие из политически неразвитой крестьянской среды дефекты Советов, по ленинскому замыслу, могли быть компенсированы авангардной ролью в них революционной пролетарской партии — носителя социалистического сознания. Произошла поразительная смычка “стихий” Советов с большевиками — леворадикальной социал-демократической партией, устремленной к социалистическому идеалу и организованной по авторитарному принципу демократического централизма. В Октябрьской революции сложился *амбивалентный симбиоз* массового творчества низовой народной демократии Советов и авторитарно управляемой политической организации — “партии нового типа”. Возникла новая, советская форма государственной организации общества.

* * *

Антиномичная двойственность советской государственности красной нитью проходит через всю историю СССР, определяя дуализм итоговой оценки исторической значимости советского опыта. В нем парадоксально слились воедино *массовый демократический подъем снизу и жесткие авторитарные тренды советской государственности*.

Советский опыт демонстрирует величие народного подвига: в тяжелейших условиях войны, разрухи и международной изоляции были осуществлены фундаментальные преобразования, в которых мир увидел реальную альтернативу капиталистическому отчуждению и которые вынудили капитализм к социальной модификации. Но в том же опыте обнаружилась слабость защитных механизмов противостояния “свинцовой мерзости” прошлого, создавшая почву для “социального термидора” — тоталитарной версии канализации энергии народной революции.

“В русской революции, — писал Н. Бердяев в исследовании истоков ‘русского коммунизма’, — ...произошло расковывание и сковывание хаотических сил” [Бердяев 1990: 109]⁴. Из перипетий этой антиномии вырос сталинский режим.

Нужно воздать должное Ленину: он видел надвигающуюся опасность — разбуженная от многовековой спячки народная стихия могла поглотить целеполагающее авангардное меньшинство. Как следствие — отчаянные усилия

⁴ Революция “глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот. Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического дела” [там же: 112]. Но одновременно “революция создала тоталитарное коммунистическое царство, и в этом царстве угас революционный дух, исчезли свободные искания” [там же: 117].

уже тяжелобольного Ленина по поиску эффективных мер противодействия термидорианской рецессии. Он стремится найти переходные формы экономических и социальных преобразований, укрепить централизованные рычаги контроля над стихией народного творчества, вовлечь в высшие управленческие органы наиболее сознательных “рабочих от станка”, не допустить в обстановке разрухи их “деклассирования”. И, конечно, Ленин понимал, что в условиях разгула революционной стихии ключевое значение имело сохранение единства самого революционного авангарда, недопущение его леворадикального или оппортунистического перерождения. Отсюда – требование строгого соблюдения принципа демократического централизма с акцентом на централистский компонент и отторжение фракционности в партии.

Воплощение этих предложений в жизнь должно было удержать соотношение спонтанной энергии социальной почва “снизу” и сознательного целеполагания “сверху” в пределах той меры, которая позволила бы в полном объеме раскрыться демократическому потенциалу советской государственности. Но, к несчастью, ленинский гений погас до того, как эта проблема была решена. Произошла одна из тех трагических случайностей, которая меняет ход истории. Среди соратников Ленина не нашлось таких людей, лидерские качества которых обеспечили бы полную реализацию его замысла. Поднявшаяся снизу стихия, с присущей ей слаборазвитой политической культурой, бунтарским нетерпением, приверженностью к насилию, склонностью к простым решениям и с вождистскими иллюзиями, захлестнула целеполагающее меньшинство, размывло авангардное ядро Советов. Сложившаяся политическая обстановка благоприятствовала авторитарным трендам советской государственности, способствующим становлению режима сталинизма⁵. Используя энергетику массового энтузиазма для индустриальной модернизации страны и ее защиты от внешней агрессии, этот режим в то же время душил ее истоки в тисках идеологического мифотворчества и жестоких политических репрессий.

Трагические последствия “антиномичного дуализма” советского опыта проявились в том, как новая власть относилась к высшей ценности общества – человеку, к заложенному в нем креативному капиталу. Советская демократия открыла невиданный дотоле широкий доступ народных масс к знанию и культуре. Заработали “социальные лифты”, поднимавшие простых людей на верхние этажи управленческой деятельности в различных сферах материального и духовного производства. Взрывное приращение человеческого капитала привело к небывалому подъему науки, искусства, культуры. В кратчайшие исторические сроки была не только ликвидирована неграмотность, но и создана лучшая в мире система образования. Состояние здравоохранения стало предметом зависти и подражания в самых продвинутых капиталистических странах.

Но все эти достижения культуры и открывавшиеся в этой области перспективы были жестко ограничены номенклатурной идеологией и практикой, отводившей простому “советскому человеку” роль “винтика” в бюрократически управляемом социуме. Такой антигуманный подход в сочетании с ограничениями персональных свобод и массовыми репрессиями представлял собой варварское расточительство человеческого капитала.

⁵ В прекрасной статье Отто Лациса “Перелом” обстоятельно прослеживаются этапы этого процесса, раскрывается роль разных факторов – социального, политического, личного в зарождении и эволюции сталинского режима [см. Суровая драма... 1989: 67-174].

Манящая притягательность советского опыта состояла и состоит в том, что в нем воплотилось единение масс, поднявшихся на борьбу за свои жизненные интересы, в “общем деле” создания общества нового типа, свободного от эксплуатации и угнетения.

Еще на базе довольно ограниченного социального опыта античной демократии великий Аристотель понял, что именно в “общем деле” человек, реализуя свою социальную природу, обретает черты бессмертия. В “Никомаховой этике” он писал: “Нет, не нужно [следовать] увещаниям — ‘человеку разуметь человеческое’ и ‘смертному — смертное’. Напротив, насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия, и делать все ради жизни, соответствующей наивысшему в себе” [Аристотель 1983: 283].

“Возвышение до бессмертия”, другими словами, историческая преемственность, формируется в “общем деле”, соединяющем людей в социальную общность. Благодаря социальности человек выходит за пределы индивидуального бытия, творит историю. Античные греки находили эти ячейки общественной жизнедеятельности в “полисе”. В античном Риме эту функцию выполняла “*res publica*”. “Общее дело” наполняло жизнь людей того времени общественным смыслом, служило своего рода гарантией против бесцельности и эфемерности индивидуального бытия. В сущности, античный опыт и его осмысление Аристотелем выражают одну из основополагающих философских истин: человек социален по своей природе, он социализируется в общении и реализует потенциал своих задатков и способностей в “общем деле”.

Естественно, на кризисных рубежах истории, когда назревает потребность в смене способов общественного производства и человеческой жизнедеятельности, возникают идеи и ценности, выражающие — вначале с изрядной долей утопизма — “запросы” социума, и происходят большие социальные подвиги, отвечающие нарождающемуся стремлению к “общему делу” “великого переустройства” человеческого бытия. Думается, советский прорыв обладал важнейшими признаками такого рода бифуркационного поворота. К началу XX в. развитие индустриального общества достигло такого уровня, который позволял рассчитывать, что человеческая цивилизация в недалекой перспективе сможет вырваться из порочного цикла борьбы за выживание. Складывались материальные предпосылки избавления от нищеты и бедности, вызванных недостаточным развитием производительных сил общества. На горизонте замаячили ценности более высокого порядка: свободный труд, счастливая жизнь, справедливый общественный порядок⁶.

Но этим возможностям препятствовала капиталистическая форма использования достижений технологического прогресса. Потребность в альтернативе, как отмечалось выше, впервые дала о себе знать в России, в крестьянской стране, только вступившей на путь индустриального развития. Это казалось — да во многом и действительно было — утопией, но в чем-то соответствовало давним традициям российской политической культуры — правдоискательству и стремлению к справедливости. Великая идея “общего дела” ценностного

⁶ Сегодня мы сказали бы — ценности “постиндустриального общества”. Американский социолог Рональд Инглхарт провел сравнительное исследование ценностей в 89 странах мира. В итоге он пришел к выводу, что “постиндустриальное общество, или общество знания, приводит к сдвигу от ценностей выживания к ценностям самовыражения”. См. Инглхарт Р. 2012. “Модернизация — ценности — счастье: Россия и мир”. Доступ: www.contextfound.org/events/y2012/m12/n79/ (проверено 12.12.2016). Разумеется, применительно к началу XX в. можно говорить лишь о далеких зарницах этих перемен.

переустройства социума, овладев сознанием масс, подвигла их на “штурм неба”, наполнила жизнь большим гуманистическим смыслом, несмотря на тоталитарную сущность сталинизма и в противовес тенденциям дегуманизации индустриального общества в условиях капитализма.

В стране, опутанной сетями дремучей архаики и невежества, массовые представления о справедливом социальном устройстве неизбежно несли на себе печать упрощенчества, непонимания сложного взаимодействия публичных и частных начал, соотношения общественного и личного. В платоновской повести “Котлован” инженер Прушевский грезит о будущем “общего дела”. “Через год, – думал он, – весь местный пролетариат выйдет из мелко имущественного города и займет для жизни монументальный новый дом. Через десять или двадцать лет другой инженер построит в середине мира башню, куда войдут на вечное счастливое поселение трудящиеся всей земли” [Платонов 1988: 96].

Примитивные представления о “всеобщей счастливой жизни” по существу элиминировали личную жизнь человека и тяготели к вульгарной идеологии “казарменного социализма”. А.В. Чаянов справедливо отмечал, что такие воззрения “выношены психологией измученного подневольной работой человека, который не мог помыслить идеальный строй иначе как отрицание строя, окружающего его” [Чаянов 1989: 185]. В преимущественно крестьянской России это упрощенное восприятие “общего дела” нашло массовую базу и не могло не сказаться отрицательно на советском опыте. Но в то же время был дан мощный импульс волнам массовой коллективной креативности, которые за короткий исторический срок не только изменили облик страны, но и сформировали советский образ жизни, который развенчал стереотипы мешанского благополучия, раскрыл силу и богатство общественных параметров в деятельности человека и социума.

Разумеется, сталинский деспотизм, паразитировавший на ведущей роли партии сознательного меньшинства в Советах, разрушал созидательный потенциал солидарности, товарищества, счастья человеческого общения в “общем деле” преобразования социума. В эпоху “позднего социализма”, кратковременной оттепели после XX съезда КПСС, “почин снизу” перестал быть постоянным источником массовой энергии социального творчества. Его сменяли все более редкие периодические, по большей части локальные, “вспышки” массового энтузиазма. Вера в идеалы общественной жизни постепенно превращалась в ритуальное использование слов и символов, за которыми уже не стояло вполне адекватное содержание. В советской системе начались не всегда заметные процессы внутреннего перерождения.

Эти процессы описаны в фундаментальной монографии профессора Калифорнийского университета А. Юрчака [Юрчак 2014]. Автор отвергает “упрощенную бинарную модель” социализма, которая толкует советскую систему как биполярное противостояние: подавления и сопротивления, свободы и несвободы, правды и лжи, конформизма и неконформизма. Советский субъект в этой модели пренебрежительно представляется лишенным воли зомбированным существом. На деле простые граждане воспринимали многие советские реалии (образование, работу, дружбу, заботу о других людях, бескорыстие, равенство) как подлинные жизненные ценности. В то же время они не были пассивными исполнителями навязываемых сверху правил и норм поведения. “Простые советские граждане активно наполняли свое

существование новыми, творческими, позитивными, неожиданными и не продиктованными сверху смыслами” [там же: 21-22]⁷.

Внутренний парадокс системы позднего социализма, по Юрчаку, характеризуется понятиями *невовлеченности* и *внеаходимости*. Субъект как бы “существовал одновременно *внутри* и *за пределами* системы – внутри ее институциональных и социальных форм, но за пределами буквальных смыслов, которые с этими формами ассоциировались” [там же: 137-138]⁸. Новые смыслы и основанные на них формы жизнедеятельности образовывали внутри системы “альтернативные зоны и пространства, которые не находятся в оппозиции к государству, но и не являются его частью... Их нельзя свести ни к сопротивлению политическим параметрам системы, ни к воспроизводству этих параметров. Однако они ведут к постепенному перерождению системы изнутри... Советская система постепенно становилась *отличной* от того, какой она сама себе казалась. Она становилась потенциально нестабильной, способной при определенных условиях неожиданно обрушиться” [там же: 39-40].

Парадоксальная логика развития советской системы подтверждает вывод о том, что отсутствие важнейших предпосылок социалистического устройства социума в предреволюционной России обрекло эту систему на роковое внутреннее противоречие, подрывавшее базисные основы ее существования.

Могла ли советская система эволюционировать таким образом, чтобы снять это противоречие? Выдвинутая Лениным новая экономическая политика позволяла на это надеяться. Однако победили иные тенденции: нэп был свернут, утвердился режим сталинизма, блокировавший возможности демократизации советской системы.

Изменения, сулившие “оттепель” для советской демократии, наметились после смерти диктатора. Идея реформ витала в воздухе. В обществе начались некоторые подвижки. Слегка повеяло ветерком свободы. В интеллектуальной среде расширились возможности для дискуссий и обсуждений. Однако “дамоклов меч” сталинизма все еще висел над головами. Сохранялся жесткий государственный контроль над политической и духовной жизнью общества.

Побудительный толчок к реформированию советского общества дал XX съезд КПСС (1956 г.). Он ослабил партийно-бюрократический контроль над системой, заменив его тоталитарно-репрессивную форму более мягкой, авторитарной. Съезд потряс систему. Разоблачение культа личности нанесло удар по догматической ортодоксии, всколыхнуло общество. Были посеяны

⁷ “По признанию одного философа, сделанному в 1995 г., – замечает автор, – лишь спустя несколько лет после крушения советской системы он осознал, что серость и подавленность той действительности были неразрывно связаны с ‘определенной и ничем, и никакой критикой ложной идеологии не перечеркиваемой реальностью человеческого счастья... уюта и благополучия той жизни, в которой наряду со страхом были радушие, успехи и порядок, обустройство общего пространства жизни’”. По мнению А. Юрчака, стоит задача “‘регуманизировать’ простого советского субъекта – то есть попытка не сводить описание этого субъекта ни к карикатурно-негативному образу ‘гомо советикуса’, или ‘совка’, ни к героически-романтическому образу ‘нонконформиста’ или ‘диссидента’” [Юрчак: 23].

⁸ “Поддерживая ощущение системы как вечной и неизменной”, эти отношения “одновременно вели к нарастанию ее внутренней хрупкости и уязвимости” [там же: 321]. “Суверенное пространство нормы в системе позднего социализма воспроизводилось не путем очерчивания вокруг него пограничных зон исключения, а путем превращения его самого в пространство внеаходимости” [там же: 323].

семена грядущих изменений, пробудилось и консолидировалось поколение обновителей-шестидесятников.

Истекшие десятилетия наложили на события того времени патину забвения. В годы брежневского застоя правящая элита не любила вспоминать о XX съезде, а затем последовали коллизии больших перемен, которые заслонили собой “малую оттепель” тридцатилетней давности. Сегодня трудно представить себе идейно-политическую атмосферу того времени. После долгой “репрессивной спячки” пробудилась живая мысль. Съезд дал импульс критическому переосмыслению советского опыта. И этот процесс сразу же пошел значительно дальше того, что было сказано на самом съезде. Появились ростки критического мышления, рождалось понимание необходимости глубокого анализа противоречий становления и развития советского строя, создавших почву для сталинского тиранического режима.

Решения съезда создали предпосылки для творческого развития общественной мысли. Образовалась институциональная среда для ученых-обществоведов, был дан простор для дискуссий и обсуждений. На базе научных институтов сформировалась своего рода публичная сфера для общественного дискурса в среде интеллектуальной элиты. Возникли анклавы творческой мысли в партийном аппарате. Среди них выделялись консультантские группы международных отделов ЦК КПСС, где были собраны творческие кадры журналистов, ученых, публицистов. Они свободно обсуждали острые проблемы политики. Плоды академического и аппаратного свободомыслия растекались среди общественности, проникали в журналистику, в педагогический процесс, в среду художественной интеллигенции.

18 В то же время критические “откровения” съезда несли в себе черты превентивной защиты авторитаризма и поэтому были внутренне противоречивы. Конструкция идеологической мифологии зашаталась, но до ее полного развенчания и, тем более, до реального реформирования системы дело не дошло. Ее одиозные пороки были списаны на культ личности, а сам этот культ объяснялся преимущественно специфическими чертами личности Сталина. Критика культа личности страдала половинчатостью и противоречивостью. С одной стороны, утверждалось, что партия раскрывает народу всю правду, как бы она ни была горька. С другой стороны, отмечалось, что отдельные ошибки Сталина не изменили природы общественного строя, советской государственности, а нанесенный ущерб коснулся лишь отдельных сторон жизни государства.

Начавшиеся демократические перемены были дозированы и быстро заглохли. Консерваторы постарались выхолостить критическое содержание съезда и вскоре перешли в контрнаступление. Демократизация системы натолкнулась на мощные заслоны. Последовал консервативный откат. То же самое произошло с “косыгинской реформой” (1965-1970) и другими попытками демократизировать сложившуюся советскую систему. Основные ее качества, в том числе амбивалентная двойственность, сохранились.

При всей значимости XX съезда непоследовательность и “политическая робость” его решений не способствовали развитию реформаторского движения, укрепили позиции консервативной части партийной номенклатуры, стимулировали реверсные тенденции политического развития, втянувшие СССР в длительную полосу “застойного равновесия”. Реформаторы хрущевской “оттепели” оказались неспособны сдвинуть инертную глыбу унаследованной от сталинизма

авторитарной системы, трансформировать энергетический заряд пробуждавшегося от спячки низового демократизма в демократизацию самой этой системы.

“Перестройка” второй половины 1980-х годов пошла дальше XX съезда КПСС. Она приступила к реальной демократизации советской системы. Но столкнулась с лавиной неразрешимых в одночасье, десятилетиями накопившихся проблем. Ситуация усложнялась асинхронностью развития реформ, с одной стороны, и общественного сознания — с другой. Творцы перестройки оказались зажатыми в тиски противоречия между острой потребностью в быстрых переменах и не менее острым дефицитом времени, отведенного обществу для осознания необходимости этих перемен со всеми сопутствующими издержками. В поисках оптимального баланса Горбачев и его команда противостояли, с одной стороны, ретроградам, которые противились реформам и закончили августовской авантюрой 1991 г., а с другой — либеральным радикалам, которые требовали более крутых и быстрых действий, а закончили декабрьским путчем, развалившим СССР.

В обстановке нараставшего противодействия перестройке со стороны консервативной части партийной элиты перестроечное руководство допустило непростительную ошибку в оценке ресурсного потенциала участия КПСС в реформационном процессе и значимости ее упреждающего реформирования как первоочередной задачи начавшихся реформ⁹.

Партия была отодвинута на обочину политической жизни, уступив место не устоявшимся парламентским структурам. КПСС же была стержнем советской системы; лишившись его, система рассыпалась, утратив способность противостоять натиску радикалов и адаптироваться к меняющимся условиям. Эволюционная трансформация советской системы — альтернатива ельцинскому “слому” государственности — требовала концентрировать главные усилия на демократической реформе самой КПСС как партии власти. Возможности для этого были крайне ограничены ввиду замшелого консерватизма партийной элиты. Но все же они существовали и расширялись. Реформаторское течение в партии росло, его позиции укреплялись, рано или поздно оно взяло бы верх. Для этого, безусловно, потребовалось бы много лет, может быть, десятилетий. А реформаторы жаждали быстрой победы демократии и стали жертвой своего нетерпения.

В критический момент у сторонников перестройки не оказалось механизмов социального контроля, которые могли бы противостоять надвигавшемуся половодью анархии и вседозволенности. По сути, перестроечное руководство само открыло ворота анархической стихии разрушителей, и само было ею сметено. Реформаторы не смогли соизмерить политику перемен с коридором российских возможностей, чем невольно способствовали крушению советской государственности.

За четверть века со времени распада СССР советский опыт в сознании общества отнюдь не канул в Лету. По данным исследовательской компании “Башкирова и партнеры”, в ответ на вопрос “какая политическая система наиболее подходит России?” 39% респондентов предпочли нынешнюю систему, 35% — советскую, и только 12% выбрали либеральную демократию

⁹ Сам Горбачев по этому поводу говорил: “Я думаю (и это называю своей первой ошибкой), что промедление с реформой КПСС привело к тому, что она, по сути, стала тормозом этих жизненно важных процессов”. См. Горбачев М.С. 2010. — *Независимая газета*. 06.04. С. 10.

европейского образца. Иными словами, свыше трети российских граждан, несмотря на многолетнюю критику советской практики, отдают предпочтение советскому типу общественного устройства¹⁰.

Тяга значительной части российского населения к советскому опыту объясняется не только ностальгией, вызванной тяжелыми последствиями российской реформации, но и эффектом спонтанной поддержки коллективным сознанием централизованной государственности как необходимого фактора консолидации российского общества. Именно поэтому в ответ на полуанархическую дезинтеграцию 1990-х годов некоторые черты советского авторитарного наследия как бы само собой воспроизводятся в нынешней российской государственности.

Несомненно, путинская стабилизация, укрепив вертикальные устои государственности, отвела Россию от роковой черты начинавшегося распада. Но в то же время не вернула ей энергетику общественной самостоятельности, разбуженную перестройкой у истоков реформации. Социальный опыт убеждает российских граждан, что пока что не создан тип общества, который отвечал бы их нуждам и потребностям страны. Сложившийся в России тип социума кажется россиянам *“неправильным, несправедливым, не обеспечивающим никаких гарантий на случай тяжелой жизненной ситуации и элементарной защищенности от разных форм насилия”* (курсив авторов доклада) [Двадцать лет реформ... 2011: 86].

В насковзь коммерциализированном и атомизированном социуме все острее ощущается отсутствие большого “общего дела”, которое могло бы возбудить энтузиазм низового демократизма, наполнить жизнь каждого человека живым общественным смыслом. Нет, к прошлому уже не вернуться, да и не хотелось бы. Но, может быть, на новом витке спирали и на иной основе в несравненно более зрелой форме произойдет что-то подобное тому, что когда-то высветилось в советском опыте? Вновь удастся пробудить вдохновение массового демократизма “общего дела”? Это проблема не только России, но всего человечества. О ее решении мечтали лучшие умы, рисуя утопические картины будущего.

Порок революционных утопий прошлого заключался в том, что они ориентировали на разрушение существующего общества “до основания” и построение нового строя “с чистого листа” по умозрительной схеме. Как замечает американский социолог Д. Александер, их фундаментализм представлял собой “упрощенческую форму мышления”, встречавшую непреодолимое сопротивление живой и многообразной реальности. Поэтому утопии приводили к хаосу и авторитаризму, сводили на нет ими же вдохновленные начинания. Получалась “де-дифференциация, опасная подмена сложности переустройства мира очистительным эффектом силы, попытка заменить беспорядочность и катавасию реальных обществ единым всеохватывающим радикальным сообществом” [Alexander 2001: 585].

Однако утопии нужны человеческому мышлению. Они создают фоновую предпосылку для стратегического целеполагания. Крах утопий прошлого,

¹⁰ Демократия или авторитаризм? Выбор россиян. – Башкирова и партнеры. Официальный сайт. Доступ: <http://www.bashkirova-partners.ru/news/results/demokratiya-ili-avtoritarizm-vyibor-rossiyan.html> (проверено 12.12.2016). Опрос проводился в феврале 2016 г. по всероссийской выборке. Сходные данные в 2015 г. получены “Левада-Центром”. Отвечая на вопрос “какая политическая система кажется вам лучшей?” 33% респондентов выбрали нынешнюю систему, 30% – советскую, и только 15% высказались за демократию по образцу западных стран [см. Общественное мнение... 2016: 34].

утверждает Д. Александер, не означает конца утопического и критического мышления. Современность насыщена разнообразными утопическими течениями: мультикультурализм, экологизм и т.д. Каждое из них самобытно и не преследует цели тотального изменения существующей системы. Все вместе они вписываются в идеал солидарного саморегулирующего сообщества. Из их стремлений и действий вырастает реформаторская утопия “гражданской реконструкции” (*civil repair*), сублимирующая многостороннюю практику гражданских инициатив и движений современности. Эта утопия, по убеждению автора, даст обществу приемлемые для всех гражданских движений высокие цели и нравственные идеалы, не посягая на своеобразие и автономию каждого из движений и каждого гражданина [ibid: 587-588].

Нельзя сказать, что реформаторская утопия Д. Александера разработана концептуально, в ней много белых пятен. Но она содержит идею “общего дела”, способного дать новый смысл жизни и счастью человека, объединить современные общества при всем их многообразии. В концепции “гражданской реконструкции” видна попытка теоретического осмысления открывающихся в эпоху глобальных перемен возможностей развития “низовой демократии”, способной преодолеть ограниченности переживающих кризис традиционных форм демократического правления. Эти возможности вырастают сегодня не из присущего “раннему социализму” архаичного крестьянского опыта с “рабочей прививкой”, как это было столетие тому назад, а из многостороннего опыта социальных и гражданских движений современности.

Английский политолог Джон Кин стремится “заземлить” поиск форм “низовой демократии” на исследовании современных видов гражданской активности в расширившемся поле властных отношений¹¹. Во многих странах мира этот неординарный опыт генерирует тип политического правления, основанного на конструктивном взаимодействии государства и гражданского общества. Быть может, “мониторинговая демократия” открывает путь к полноценному народовластию, о котором столетие тому назад мечтали те, кто сложил голову “За власть Советов” [см. Keane 2009]¹².

Трудно себе представить, что широкое возрождение низкой демократии произойдет быстро в трансформирующемся социуме, еще не постигшем смысл переживаемой эпохи. Еще труднее представить, чтобы это произошло в обществе, где власть в руках “богатых и сильных”, где избыточное социальное неравенство зашкаливает все допустимые нормы. Однако социальный опыт человечества стремительно накапливается, а реформация российского общества еще далеко не завершилась.

Аристотель. 1983. *Сочинения в 4-х т.* Т. 4. М.: Мысль. 830 с.

Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма.* М.: Наука. 224 с.

Вебер М. 2003. Социализм (Июнь 1918). – Вебер М. *Политические работы.* М.: Праксис. С. 336-337.

¹¹ Об изменениях в конфигурации властного пространства см. подробнее [Красин 2013].

¹² В этой работе показано, что нынешний этап цивилизации создает потребность в “постпредставительной демократии” [Keane 2009: 688], открывается возможность “социализации демократии” [ibid.: 709]. Благодаря мониторинговой активности гражданских организаций происходит “укрошение власти” [ibid.: 872]. В другой работе автор рассматривал всесторонне развитое гражданское общество как общество социалистическое [Кин 2001: 243].

- Вебер М. 2007. *О России: избранное*. М.: РОССПЭН. 159 с.
Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. 2011. Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, В. Петухова. М.: Весь Мир. 304 с.
Кара-Мурза С.Г. 2001. *Советская цивилизация*. В 2 т. Т. 1. М.: Алгоритм. 265 с.
Карр Э. 1990. Большевицкая революция 1917-1923. Кн. 1. — *История советской России*. В 2 кн. М.: Прогресс. 768 с.
Кин Д. 2001. *Демократия и гражданское общество*. М.: Прогресс-Традиция. 400 с.
Красин Ю.А. 2013. Государство и общество: сдвиги во властном поле. — *Политические исследования*. № 5. С. 51-58.
Ленин В.И. 1968. *Полное собрание сочинений (5 издание). Том 12 (октябрь 1905 — апрель 1906)*. М.: Издательство политической литературы. 576 с.
Ленин В.И. 1970. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова). — *Полное собрание сочинений (5 издание). Т. 45 (Март 1922 — март 1923)*. С. 378-382.
Милюков П.Н. 1991. *Воспоминания*. М.: Политиздат. 528 с.
Общественное мнение — 2015. Ежегодник. 2016. М.: Левада-Центр. 308 с.
Платонов А.П. 1988. *Ювенильное море: Повести, роман*. М.: Современник. 560 с.
Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. 1989. М.: Политиздат. 542 с.
Чаянов А.В. 1989. *Венецианское зеркало*. М.: Современник. 235 с.
Юрчак А. 2014. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение. 664 с.
- Alexander J. 2001. Robust Utopias and Civil Repairs. — *International Sociology*. Vol. 16. No. 4. P. 579-581.
- Keane J. 2009. *The Life and Death of Democracy*. N.Y.-L.: W.W. Norton and Co. 992 p.
- Weber M. 1917. Russlands Übergang zur Scheindemokratie. — *Die Hilfe*. 26.04. Vol. 23. No. 17. P. 272-279.

22

DOI: 10.17976/jpps/2017.01.03

MAJESTY AND TRAGEDY OF THE SOVIET “EXPERIMENT”

Yu.A. Krasin¹

¹*Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

KRASIN Yurii Andreevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, honorary Dr. of Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
Email: krasinyua@yandex.ru

Krasin Yu.A. Majesty and Tragedy of the Soviet “Experiment”. — Polis. Political Studies. 2017. No. 1. P. 10-23. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.01.03>

Received: 26.06.2016. Accepted: 29.07.2016

Abstract. Almost a century has passed since the events of October 1917, which encourages us to estimate “from a distance” the Soviet experience born by the Russian revolution. The Soviet system emerged at a crisis stage of development of industrial society in the capitalist guise. In Russia, where contradictions of violently developing capitalism were tangled in Gordian knot with semi-feudal archaic, an alternative of development emerged, perceived by Bolsheviks as “socialism” and “dictatorship of proletariat”. The independent organizations that spontaneously grew up “from bottom” — the Soviets of Workers’ and Peasants’ Deputies — appeared as an original form of “downstream” democracy. Their ambivalent symbiosis with the authoritarian “party of a new type” formed the Soviet statehood. The antinomic ambiguity of the Soviet system is a thread that runs through the entire history of the Soviet Union, defining duality of the Soviet experience’ estimation. On the one hand, there is greatness in people’s deed — the transformation, which presented an alternative to capitalist alienation and which forced capitalism to social modification. On the other hand, there are authoritarian trends of Soviet

power, which resulted in a totalitarian canalization of the revolutionary enthusiasm, while the energy of mass creativeness was strangled in clutches of the ideological myths and political repressions. The Soviet experience is appealing because it embodies the mass solidarity around “the common cause” of creating a new society free from exploitation. This great idea captured mass consciousness and prompted people to “storm the heaven” in spite of regime’s despotism. It is a complicated question whether it was possible to reform the Soviet system, while saving its best traditions. However, a quarter of a century after the collapse of the USSR, the Soviet legacy hasn’t been neglected: there is still a crave for a greater “common cause” in Russian transforming society, and the Russian reformation is far from over.

Keywords: democracy; authoritarianism; Soviets; statehood; antinomic character of the Soviet system; democratism of “common cause”; Russian reformation.

References

- Alexander J. Robust Utopias and Civil Repairs. — *International Sociology*. 2001. Vol. 16. No. 4. P. 579-581.
- Aristotle. Collected Works. (Russ. ed.: Aristotle. *Sochineniya v 4-kh t. Vol. 4*. Moscow: Mysl'. 1983. 830 p.)
- Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka. 1990. 224 p. (In Russ.)
- Carr E. A History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution 1917-1923. (Russ. ed.: Carr E. *Bol'shevistskaya revolyutsiya 1917-1923*. Kn. 1. *Istoriya sovetskoi Rossii. V 2 kn*. Moscow: Progress. 1990. 768 p.)
- Chayanov A.V. *Venetsianskoe zerkalo* [Venetian Mirror]. Moscow: Sovremennik. 1989. 235 p. (In Russ.)
- Dvadsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamero*v. Pod red. M. Gorshkova, R. Krumma, V. Petukhova [Twenty Years of Reforms Through the Eyes of Russians: the Experience of Many Years of Sociological Measurements. Ed. by M. Gorshkov, R. Krumm, V. Petukhov]. Moscow: Ves Mir. 2011. 304 p. (In Russ.)
- Kara-Murza S.G. *Sovetskaya tsivilizatsiya*. V 2 t. T. 1 [The Soviet Civilization. In 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Algoritm. 2001. 265 p. (In Russ.)
- Keane J. Democracy and Civil Society. (Russ. ed.: Keane J. *Demokratiya i grazhdanskoe obshchestvo*. Moscow: Progress-Traditsiya. 2001. 400 p.)
- Keane J. *The Life and Death of Democracy*. N.Y.-L.: W.W. Norton and Co. 2009. 992 p.
- Krasin Yu.A. The State and the Society: Shifts in the Power Field. — *Polis. Political Studies*. 2013. No. 5. P. 51-58. (In Russ.)
- Lenin V.I. O nashei revolyutsii (po povodu zapisok N. Sukhanova) [On Our Revolution (About the Notes by N. Sukhanov)]. — *Polnoe sobranie sochinenii (5 izdanie). Tom 45 (Mart 1922 — mart 1923)* [Complete Works (5th ed.)]. Vol. 45 (March 1922 — March 1923)]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1970. P. 378-382. (In Russ.)
- Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii (5 izdanie). Tom 12 (oktyabr' 1905 — april' 1906)* [Complete Works (5th ed.)]. Vol. 12 (October 1905 — April 1906)]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. 1968. 576 p. (In Russ.)
- Milyukov P.N. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Politizdat. 1991. 528 p. (In Russ.)
- Obshchestvennoe mnenie — 2015. Ezhegodnik* [Public Opinion — 2015. Yearbook]. Moscow: Levada Centre. 2016. 308 p. (In Russ.)
- Platonov A.P. *Yuvenil'noe more* [Juvenile Sea]. Moscow: Sovremennik. 1988. 560 p. (In Russ.)
- Surovaya drama naroda. Uchenye i publitsisty o prirode stalinizma* [People's Severe Trauma. Scientists and Journalists on the Nature of Stalinism]. Moscow: Politizdat. 1989. 542 p. (In Russ.)
- Weber M. Russlands Übergang zur Scheindemokratie. — *Die Hilfe*. 26.04.1917. Vol. 23. No. 17. P. 272-279.
- Weber M. *Gesammelte Politische Schriften (1985-1919)*. (Russ. ed.: Weber M. *Sotsializm (Iyun' 1918)*. — *Politicheskie raboty*. Moscow: Praxis. 2003. P. 336-337).
- Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905 (Schriften und Reden 1905-1912) u.a. (Russ. ed.: Weber M. *O Rossii: izbrannoe*. Moscow: ROSSPEN. 2007. 159 p.)
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was to Last Forever Until it Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. 664 p. (In Russ.)